

Гендерная проблематика в литературе и искусстве. Оппозиция «свой – чужой»

сэнсавай двухпланаваасці служыць каламбур. Эматыўную семантыку выказвання актыўна вызначае інтанацыя, выконваючы ролю інтэнсіфікатара эмоцый і ствараючы дадатковыя семантычныя адценні. Вобразы часу, створаныя на аснове літаралізацыі метафар, трансфармацыі сілагізмаў, дэфармацыі фразеалагізмаў узмацняюць адчуванне яго трагічнасці як «перакуленага свету».

ЛІТАРАТУРА

1. Чорны, К. Збор твораў: у 8 т./К. Чорны. — Мінск: Маст. літ., 1974. — Т. 5: Раман, дзве аповесці. — 446 с.
2. Бядуля, З. Язэп Крушынскі: Раман. Кн. 2/3. Бядуля. Збор твораў. У 5 т. Т. 5. — Мінск: Маст. літ., 1989. — С. 5-249.
3. Бядуля, З. Апаваданні/З. Бядуля. — Мінск: “Нар. асвета”, 1973. — 160 с.
4. Чорны К. Збор твораў: у 8 т./К. Чорны. — Мінск: Маст. літ., 1973. — Т. 4. Аповесці і раманы. — 496 с.
5. Гумилёв, Л.Н. Этногенез и биосфера земли/Л.Н. Гумилёв. — М.: Айрис-пресс, 2011. — 560 с.
6. Гачев, Г.Д. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. театр/Г.Д. Гачев. — М.: Изд-во Моск. Ун-та; Изд-во “Флинта”, 2008. — 288 с. — (Классика жанра).
7. Баранавых, С. Дзве аповесці/С. Баранавых. — Мінск: Беларусь, 1967. — 316 с.
8. Эпштейн, М. Роль ошибки и опечатки в словотворчестве (Просчёт как начало другого отсчета)/М. Эпштейн [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gramma.ru/RUS/?id=1.59>. — Дата доступа: 12.08.2016
9. Валери, П. Юная Парка. Стихи, поэма, проза/П. Валери; пер. с франц. — М.: Текст, 1994. — 239 с.
10. Цветаева, М. Живое о живом (Волошин)/М. Цветаева/Максимилиан Волошин. Стихотворения. — М.: Книга, 1989. — С. 443-527.
11. Родзевіч, Л. Творы: драматургія, проза паэзія, публіцыстыка. лісты/Леапольд Родзевіч; уклад., прадм., камент. В. Яцухны. — Мінск: Маст. літ., 2008. — 343 с.
12. Бродский, И. Форма времени: стихотворения, эссе, пьесы: в 2 т./И. Бродский. — Минск: Эридан, 1992. — Т. 2. — 480 с.
13. Колас, Я. Збор твораў: у 20 т./Якуб Колас; рэд. тома Т.С. Голуб, М.І. Мушынскі; падрыхт. тэкстаў і камент. Т. Р. Строевай; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. — Мінск: Беларус. навука, 2010. — Т. 12: Аповесці. — 518 с.
14. Глумачальны слоўнік беларускай мовы/Пад рэд. М.Р.Судніка, М.Р.Крыўко. — Мінск: БелЭн, 1996. — 784 с.
15. Калюга, Л. Творы: раман, аповесці, апаваданні, лісты/Уклад., прадм. Я. Лецкі; Камент. Н.В. Гаўрош, Т.М. Трыпуцінай/Л. Калюга. — Мн.: Маст. літ., 1992. — 607 с.
16. Замятин, Е. Избранное/Е. Замятин. — М.: Правда, 1989. — 462 с.
17. Бегдебер, Ф. Windows of the World: Роман/Ф. Бегдебер/Пер. с франц. И.Стаф. — М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2012. — 432 с.
18. Бядуля, З. Язэп Крушынскі: Раман. Кн. 1/3. Бядуля. Збор твораў. У 4 т. Т. 3. — Дзярж. выд-ва БССР; Рэдакцыя маст. л-ры. — Мінск, 1953. — С. 167-522.
19. Асабіна, С. Фразеалогія ў творчасці Міхася Лынькова: функцыянальна-стылістычны аспект/С. Асабіна. — Гродна: ГрДУ, 2011. — 167 с. [электронны рэсурс]. — Режим доступа: <http://pdf.kamunikat.org/21396-1.pdf>. — Дата доступа: 19.03.2015.

Е.О. Бобровская

**ФУТУРИСТИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ СМЕЩЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ
(ПОЗИЦИИ МУЖА/ЖЕНЫ, ОТЦА/МАТЕРИ В ПОВЕСТИ ОЛЕГА РОЯ «СТРАХ»)**

Произведения Олега Роя для взрослых можно условно разделить на реалистические и фантастические (полностью мистические либо с фантастическими элементами, сверхспособностями героев). В последнем на сегодняшний день фантастическом романе писателя, изданном в 2016 году, действие переносится в будущее. Место событий конкретно не определено, а точное время происходящего мы узнаем только в середине повествования (шестнадцатого декабря две тысячи сорок второго года мимо Земли пролетела комета), что шокирует, т.к. это ближайшее для нас будущее. Герои произведения живут «в конфедерации трех государств, где [...] говорили (и говорят) на причудливой смеси нескольких языков», их мир находится в относительно стабильном состоянии, много детей остались сиротами в результате гражданской войны, «отплывшей в начале двадцать первого века». Глобализация в недалеком для читателя будущем достигла своего апогея: «само понятие национальности сегодня, похоже, если не отмирает, то, как минимум, теряет свое значение. Глобализация во всей своей красе. Отдельные государства существуют, конечно, и до Мирового правительства нам еще далеко, но, чувствую, в итоге отличия между Чили и Японией станут чистой формальностью. Единое экономическое, культурное, научное и черт знает какое еще пространство. Корпорациям – а они сегодня опутывают своими щуп-

Гендерная проблематика в литературе и искусстве. Оппозиция «свой – чужой»

пальцами всю планету – так удобнее. Это новое устройство мира еще зыбко, все еще помнят сотрясавшие планету буквально четверть века назад локальные войны, безжалостно перекраивавшие политическую карту мира. Счастье еще, что ни один конфликт не дорос до применения ядерного оружия. И ясно, что сегодня люди боятся – вдруг все вернется. Этот страх, кажется, пропитывает саму земную атмосферу. Человек замирает в страхе перед тем, что хрупкое равновесие вновь нарушится и тогда мир может окончательно рухнуть в бездну». Завязка романа – это полет кометы, после которого по непонятной причине все женщины нашей планеты утратили способность рожать: *«масштаб катастрофы поистине глобален. Легкое, почти неощутимое прикосновение кометы к земной атмосфере, подарившее нам фантастический фейерверк, одновременно взыскало с человечества страшную плату за зрелище. За считанные часы все беременные женщины мира – во всех странах, на всех континентах – лишились детей, которых носили. При этом не имели никакого значения ни возраст будущей матери, ни ее раса, ни срок беременности. Ничего не имело значения»*. Прошло время, однако ученые *«не смогли даже определить, какого рода «источник» нужно искать: биологический, химический или радиационный. Хуже того. Это неизвестное воздействие... продолжило свое страшное влияние. Еще более страшное, чем это выглядело в первые дни после «апокалипсиса». Человечество с ужасом обнаружило, что стало... стерильным. Полностью. Абсолютно. Организм женщины не принимал мужские половые клетки: иммунная система набрасывалась на них так же, как набрасывается на болезнетворные микроорганизмы, и безжалостно уничтожала. При попытках же экстракорпорального оплодотворения запускалась аналогичная реакция: зигота, подсаженная пациентке, давшей яйцеклетку, убивалась и отторгалась тут же, едва ее имплантировали обратно в матку»*. Человечество очутилось на грани вымирания, а семейная жизнь выживших грозила развалиться, неспроста один из главных героев замечает: *«Кажется, институт семьи постепенно сходит с наезженных рельсов, медленно, как в рапиде, летя под откос. Неужели раньше он держался только на деторождении, а все разговоры о высоких чувствах – не более чем красивая обертка? Не знаю, но мне неприятно так думать»*.

В атмосфере безысходности появляется лучик надежды. Беспринципный ученый, руководитель научной лаборатории всемогущей Корпорации, который в прошлом проводил эксперименты даже с живыми человеческими эмбрионами, предложил изобретенную им же панацею: аппараты Ройзельмана (АР), которые закрепляют на руке или на ноге женщины и из материнских тканей за сорок дней вынашивается ребенок. *«Власть Корпорации была такой, что не снилась ни одному диктатору. Против диктатора можно восстать. Но как восстать против того, кто тебя... спасает?»*

В такой действительности здоровых женщин, не соглашающихся на квазибеременность, начали похищать, *«детей категорически не выпускали гулять без присмотра. За ними началась настоящая охота, ведь кое-кто (и таких немало) предпочитает иметь пусть чуждого, но «натурального», не «высисженного в железке» ребенка. Да и терять руки-ноги готовы далеко не все женщины. На мужчинах, кстати, аппарат Ройзельмана не работает»*. Причина этого, как полагает идейный противник Корпорации, профессор Кмоторович, кроется исключительно в *«прихоти его inferнального творца, ткани-то у обоих полов совершенно идентичны»*.

Произведение Олега Роя представляет собой многоголосое повествование. Благодаря этому читателю предоставляется возможность увидеть происходящее глазами каждого главного героя. Перед нами предстают две группы ученых, находящихся в противоборстве: командой работников Корпорации управляет жажда наживы, стремление создать «идеального человека», «сверхчеловека»: *«Если бы людей можно было выпускать, как машины! Без этого патологического процесса вынашивания эмбриона, без его связи с матерью, без прямого вмешательства отца! Я мечтаю создать человека из ребра, из глины, из чего угодно, так, как это сделали выдуманные людьми боги. Это задача, достояние человекобога. Вот к чему я должен стремиться»*, а их идейными противниками – гуманистические принципы.

В первую очередь, мы отметим те сферы деятельности общества будущего, в основе которых лежит новейшая гендерная доктрина. Эта концепция затрагивает

идеологию государства как до появления кометы, так и после (*«Вообще-то в наше сверхтолерантное время мужская «дружба» давным-давно перестала считаться хоть сколько-нибудь «не тем», но я совсем о другом, никаких таких «страстей» между Максом и Ойгеном не было»*). И аналогичное мнение: *«Может, это ревность? Может, он в Макса влюблен? А что, в наше просвещенно-толерантное время это уже чуть ли не нормой считается»*);

законодательство: привычными стали такие понятия как Исполнение Женщиной Своего Высочайшего Долга, Долг Мужчины, которые сменили естественный до этого Долг Родине (*«В этом мире женщина, участвующая в Программе, – человек высшего сорта, а та, что отказывается, – пария. Я не могу претендовать ни на что, я даже к родителям не могу вернуться»* – говорит героиня, отказавшаяся потерять руку или ногу в обмен на ребенка. *«Зная, что Ника категорически не желает участвовать в Программе,*

Гендерная проблематика в литературе и искусстве. Оппозиция «свой – чужой»

Жанна напомнила мне, что по нынешним временам это вполне достаточное основание для развода». «Оказалось, что, согласно скоропалительным поправкам в законодательство, любая попытка препятствовать Исполнению Женщиной Своего Высочайшего Долга (именно так) считалась серьезным правонарушением». Долг мужчины подразумевает оплату киберпротезов и всего с этим связанного, однако участие отца в воспитании ребенка законом не предусматривается и не требуется.);

профессиональную сферу: «Она часто засиживается на работе допоздна. Как будто лишь от ее стараний зависит весь правопорядок нашего города. Максималистка. Странно, что начальство совсем не ценит такого прилежания. Рита частенько жалуется, что ее словно специально отстраняют от самых интересных дел, сбрасывая в ее руки либо рутину, либо мелочовку. При этом Рита, я точно знаю, и к самым пустяковым делам относится крайне ответственно. Даром, что ли, ей не раз благодарность выносили? Но подпускать ее к чему-то по-настоящему значимому – нет, никак. **Не хочется думать, что дело в традиционном делении на «мужские» и «женские» профессии. Уж с этим-то, кажется, сегодня покончено.**»

Теперь рассмотрим непосредственно образы героев, при описании которых обращение к гендерным стандартам высокочастотно. В первую очередь, это касается внешности, одежды: «Рита одевается почти исключительно в спортивном стиле, какой-то унисекс просто. Я смотрю на нее – как будто на свое отражение, – и мне грустно от этого «девочка-мальчик». [...] Рита – это вечные джинсы, причем даже не синие, а самые немаркие – цвета грязного асфальта, такие же кроссовки, рубашки, футболки, джемпера и куртки. Вот разве что пиджаки у нее с выточками на груди. Но все равно. **Девочка-мальчик**»; «Такая молодая, такая красивая и такая ... жуткая. Полная противоположность тому, что называется женским началом»; «На экране мельтешил клип какой-то дамы с выбритыми висками, грубым, почти мужским лицом и неожиданно мелодичным голосом» – эпизодический образ; «Спутница была ему под стать. Анекдотический персонаж. Надутые силиконом губы, невероятно увеличенная с помощью того же материала грудь, претенциозный кислотно-розовый прикид, изобилующий блестками, пайетками и стразами, пара кило косметики и килограммов пять всевозможной ювелирки превращали некогда, наверно, милостивую женщину в какую-то жестокую карикатуру на женский пол вообще». Во-вторых, стандартное восприятие женской и мужской внешности представителями противоположного пола не изжило себя, хотя уже неприменимо для представителей нового поколения людей: «Одна девушка, за которой я робко и не слишком успешно пытался ухаживать, говорила, что **красивые мужчины** либо редкостные сволочи, либо забитые закомплексованные тряпки. Не знаю, насколько этот стереотип вообще соответствует статистике, но к Максиму он не подходит абсолютно», «Ну да, **красивые мужчины**, как известно, все сплошь эгоистичные мачо». При характеристике мужчины, появившегося на свет неестественным способом, герой сравнивает его жизненную ситуацию с судьбой женщины: «Поначалу я удивлялся, но довольно быстро понял: мало кто может терпеть рядом с собой, скажем так, идеальность. Как, говорят, **очень красивым женщинам** бывает трудно найти настоящую любовь, так и с Максом».

Характер и поведение героя часто рассматривается окружающими через призму соответствия/несоответствия мужскому и женскому поведению, наличия/отсутствия мужских и женских качеств (обладает ли персонаж, традиционными мужскими или женскими качествами?): женское курение раньше не одобрялось, в романе отношение к этому пороку трансформируется: «**Может, тебе запах моих сигарет не нравится? Босс тоже считает, что мне нужно тянуть что-то более дамское.**»

В повести раскрывается вариативность восприятия материнской роли: «Для матери ее ребенок остается ребенком всегда – и в пять лет, и в двадцать пять, и в сорок пять. Банальность, конечно, но от того она не перестает быть правдой. И совершенно неважно, родной ли ребенок или приемный. **«Материнство – это, разумеется, бремя и крест, но бремя легкое (своя ноша не тянет), крест, который хочется нести едва ли не вприпрыжку. Даже когда он, прямо скажем, нелегок...»** – мнение старшего поколения; точки зрения представительниц молодого поколения противоположны: «**Но ведь и правда он [муж] считал, что нам рано пока заводить ребенка. Везде пишут, что мужчины относятся к появлению малыша совсем не так, как мы. Но ведь для женщины материнство – высшая цель, высшее благо, главное в жизни предназначение! Пусть мужчины (они ведь не могут родить, бедные!) видят смысл жизни в изменении мира, в каких-то важных делах – как Герман, к примеру, в создании новых балетных постановок. Но мы, женщины, приходим в этот мир, чтобы принести в него новую жизнь!**», «**А я просто не знаю, куда себя деть. Мне тесно в самой себе. Мой ребенок, мое тело, моя жизнь – это тесная жесткая клетка, в которой ни выпрямиться, ни вытянуться. Я бешусь от этой скованности, потому что хочу бежать, лететь, хочу ничем не стесненной свободой... Но, куда бы я ни отправилась, моя клетка всегда со мной. Неужели другие этого не чувствуют? Сама я живу так, словно у меня перманентный, не зависящий от наличия беременности токсикоз. Или, хуже того, неизлечимая мучительная чесотка.**»

Гендерная проблематика в литературе и искусстве. Опозиция «свой – чужой»

Отношение к отцовству также многообразно: мнение представителей молодого поколения противоположно: *«Наверное, я слишком конкретен. Любить что-то, тем более кого-то, кого ты не можешь увидеть, потрогать, услышать – как-то плохо у меня это получалось. И уж совсем я не мог представить себя в роли отца. Нет, я не боялся ответственности или возникающих при этом трудностей (большинство из них сводятся почти до нуля правильными финансовыми вложениями – приходящие медсестры и все такое), но не радовали меня перспективы, совсем не радовали. Даже печалили. И пугали, хотя совсем не в смысле грядущих трудностей. Я боялся потерять свою Веру (гоня от себя страшную мысль: ты ее уже потерял), ту, ради которой я придумывал все те балеты, что гремят сегодня на подмостках всего мира»;* и другая позиция: *«И тогда моя душа встала на дыбы. Я не мог смириться с потерей ребенка. Точнее, не только ребенка, а самой надежды его иметь. Я буквально вынуждал Веронику принять участие в Программе, но она отказывалась категорически, почти злобно»;* мнение о себе как об отце представителя старшего поколения: *«...отцом-то, по правде говоря, я был нукудышным. Ну что я сделал для своих детей? Считал, что мой долг – поставить их на ноги, дать образование, профессию, вывести в люди. И все. Все перечисленное я исполнил, но сделало ли это детей моих – счастливыми? Точнее, а задумывался ли я вообще о том, счастливы ли мои дети? [...] Был обычным, как мне казалось, отцом. И лишь сейчас, перебирая безнадежно отравленные горечью воспоминания, задумался об отношениях со своими детьми – а были ли они, эти отношения? Отношения предполагают чувства: любовь (ну или ненависть, и так бывает), дружелюбие, доверие. А у нас? Холод, бесстрастность, отчужденность. Формальная семья».*

Конфликт профессиональной и материнской роли каждая героиня решает по-своему: *«Можете думать обо мне что угодно, – холодно заявила она, – но мои конечности мне не заменят никакие киберпротезы. Это только кажется, что с протезом и нога не нужна, это все вранье и полная чушь. Как механизм может быть идентичен организму? Ну, о руках я уж и не говорю... – Она подняла руки, словно демонстрировала их мне. – Ладно бы я была какая-нибудь домохозяйка. Но для меня музыка – это все, это, черт побери, моя жизнь. Разве киберпротез сможет в этом отношении заменить мои собственные руки? Да никогда! А ноги... без ноги я стану попросту жалкой... Нет уж, дудки».*

Материнский инстинкт, который в нашем современном обществе считается священным, и женщины не ставится в упрек нежелание иметь детей. В постапокалиптическом обществе желание иметь детей граничит с помешательством, становится чуть ли не животным инстинктом: *«Окружающая действительность, в которой на добровольное самоистязание выстраивались целые очереди женщин, – вот что было самым страшным кошмаром»; «Женщины с какой-то невероятной охотой кинулись менять на детей собственные руки и ноги. И как быстро! [...] Желание иметь детей – один из самых мощных человеческих инстинктов».*

Таким образом, произведение Олега Роя в некотором смысле открывает глаза читателю: апокалипсис может наступить по причинам, о которых мы даже не задумываемся и отнюдь не в результате глобального потепления либо иного природного катаклизма. Показательно, что выживают в повести те мужчины и женщины, в сознании которых не наблюдается конфликта в способности сочетать социальные, профессиональные роль и роль отца/матери.

Т.Р. Багарадава

ІНТЭРПРЭТАЦЫЯ ПАНЯЦЦЯ «ЧУЖЫ» Ў «ВАЕННАЙ» АПОВЕСЦІ В. БЫКАВА

Жыццё чалавека ў грамадстве заўсёды падначалена пэўным правілам, звычаям і нормам, што рэгламентуюць яго паводзіны. У адпаведнасці з гэтым у культуры пэўнага гістарычнага перыяду фармуюцца ўяўленні пра «добрыя» і «дрэнныя» паводзіны, сістэма абавязкаў і забарон.

Дадзеныя акалічнасці азначаюць, што зносіны паміж людзьмі маюць розныя формы і падначаленыя ўмоўнасцям і законам, пэўным культурным нормам. Такім чынам, дыктуюцца формы зносінаў па гендарных, узроставых, сацыяльных, статусавых і іншых прыкметах.

Практычна з самога пачатку культурнай дзейнасці чалавека ўзнікае патрэба рэгуляцыі яго паводзін і зносінаў з іншымі людзьмі. Менавіта таму разам са стварэннем культурных каштоўнасцей пачалі фармавацца і патрабаванні да паводзін чалавека ў сацыюме, якія з цягам часу сталі агульнапрынятымі. «Адказнасць за іх парушэнне...носіць адносны характар, паколькі пакаранне за парушэнне нораваў можа быць розным – ад асуджальных позіркаў да смяротнага пакарання, аднак найбольш распаўсюджаным пакараннем у дадзеным выпадку з'яўляецца вуснае ганьбаванне» [1].

Сацыяльная ідэнтычнасць і самаатаысамліванне асобы з пэўнай супольнасцю вядзе да ўсведамлення сваёй прыналежнасці да пэўнай культуры, сацыуму, вядзе да супастаўлення з іншымі